

Для познания права предлагается компрехендный подход

Захарцев С.И.,

доктор юридических наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского
E-mail: sergeyivz@yandex.ru

Сальников В.П.,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность»
E-mail: fonduniver@bk.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются различные теории познания права, различные подходы к пониманию права. В результате их анализа авторы приходят к выводу, что каждая из теорий рассматривает право с той или иной стороны, однако не оценивая право комплексно как сложное и противоречивое социальное явление. На основе изложенного авторы предлагают и формулируют новую теорию познания права, которой они дали название «компрехендная» (всеохватывающая) теория.
Ключевые слова: философия, философия права, право, теория государства и права.*

Как известно, за тысячелетия существования человека единого и устраивающего всех подхода к праву разработано не было. Это дало нам возможность поучаствовать в дискуссии о том, что есть право и как его познать. На основе проведенных нами исследований мы обосновали новый подход к праву и его познанию, названный нами компрехендным (от лат. *comprehendo* — всеохватывающий).

Сущности данного подхода посвящена настоящая статья.

Вначале следует сказать, что право нам видится большим бриллиантом. Как известно, наиболее распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. И вот думается, что ученые видят ту или иную грань камня, подчас даже подробно рассматривают ее, при этом упуская из виду, что есть еще как минимум 56 граней этого же камня. То же происходит и с правом. Специалисты по одной грани этого феномена судят о нем как о целом. Очевидно, что получаемые таким образом теории со временем упираются в неразрешимые противоречия. Далее появляются новые мыслители, которые также, иногда искренне полагая, что видят предмет целиком, заостряют взгляды на одном из проявлений предмета. Их теории также опровергаются другими концепциями, далекими от совершенства. Исторически сколько было различных концепций понимания права? Казалось бы, немало (позитивистская, естественная, договорная, психологическая, историческая, социологическая и т.д.). Однако их и не так много, как граней бриллианта.

Наши исследования позволили нам высказать предположение, что пока не будет создано значительного количества самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные грани права, единого и общего понятия нам не удастся создать. Но как только количество опреде-

лений права достигнет критической массы, оно перерастет в качество, в результате чего мы получим понимание права на уже совершенно новом уровне, может быть удивительном для нас всех.

Отсюда вопрос: если мы объединим все, что нам известно сейчас о праве, мы получим нечто большее и всех устраивающее? Судя по всему — нет. Пока мы лишь дошли до понимания того, что нельзя останавливаться только на одной концепции права, пытаться «делать» ее господствующей, главной. Надо стремиться объять право целиком, изучать право всеохватывающе. Такой компрехендный подход к изучению права в данном случае является наиболее подходящим. Надо сказать, что мы частично писали о компрехендном подходе в двух последних монографиях¹, которые вызвали интерес и получили высокую оценку специалистов².

Для указанного познания права нужна философия. Именно философия позволяет «подняться» над проблемой, оценить ее в историческом аспекте, в динамике, с учетом развития научных знаний о мире и бытии. Думается, что в фило-

¹ См.: Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. М., 2014; Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015.

² См.: Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 78–85. См.: Хабибуллин А.Г., Мурсаимов К.Р. Рецензия на книгу С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. М.: Норма, 2014. 208 с. // Мир политики и социологии. 2015. № 9. 203–209. См.: Покровский И.Ф., Исмагилов Р.Ф., Гук А.И. Действительно, философия и право снова вместе в исследовании современных научных мыслителей. Некоторые идеи по поводу рецензии Д.А. Керимова и монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 9. С. 196–200.

софском плане значительное количество правовых исследований, хотя и имеющих глобальные цели, фактически представляют собой работу у подножия пирамиды. И наивно полагать, что «дистанцию огромного размера» мы преодолеем быстро. Причем подчас вместо подъема к знаниям работа ведется «по кругу». Например, более столетия назад Н.М. Коркунов подвел убедительный итог попыткам создания так называемой энциклопедии права. Он, в частности, написал: «Создать из энциклопедии науку наук, которая была бы вместе с тем и самостоятельной, особой наукой и обнимала бы собой содержание всех отдельных наук, оказалось невозможным»³. Вместе с тем, спустя столетие, к названной идее предлагают вернуться заново.

Другой характерный пример. В настоящее время встречаются попытки объединить в интегральную теорию права теории естественного и позитивного права. Но ведь право — не только эти две теории. Значит конструкция в таком виде обречена на провал. Философски подняться над проблемой и оценить, что объединение только указанных теорий будет совершенно не полным, получается не у всех.

Философских оценок требует современное отношение юридической науки к праву. Так, в настоящее время отчетливо наблюдается, что о феномене «право» многие специалисты стали писать «возвышенно хорошо». Дескать, все, что связано с истинным правом — это справедливо и честно. А вот что несправедливо, тоталитарно, недемократично (хотя и содержится в правовых нормах) — это уже не право. Отсюда стали расхожими выражения — неправовой закон, антиправовая власть, антиправовые отношения и т.д. То есть, право, особенно в последнее время, стало идеализироваться.

Такой подход стал настолько распространенным в студенческой среде, что преподаватели ряда отраслевых дисциплин сетуют, что в вузах, в которых студентам внушается мысль о различии и противоречиях права и закона, крайне затруднительно приохотить будущих правоведов изучать кодексы и другой законодательный материал, так как многие студенты убеждены, что почти все это не является правом⁴.

Важно понять, что если будем смотреть на феномен права «через розовые очки» мы не приблизимся к пониманию права и его сущности. Следует признать, что если правовые нормы реформаторских законов приводят к массовому обеднению населения, ущемлению потребностей в образовании и здравоохранении — то это правовой произвол. Произвол! Но именно правовой. Вместе с тем,

применяемое популярное словосочетание «неправовой закон» выгораживает само право, как бы все объясняет и всех устраивает. При таких обстоятельствах право становится святыней, идиолом, на который все молятся и не допускают критики. Мол: право — это по определению хорошо, честно, чисто, свободно от дурных примесей. О том же: право — это свобода, справедливость, равенство и никак иначе. Например, В.С. Нерсесянц начал книгу о философии права так: философия права занимается познанием права как необходимой формы свободы, равенства и справедливости в общественной жизни людей⁵.

Но такое понимание права односторонне, а значит необъективно. Некритичность познания какого-либо явления противоречит самой сути философии. При некритичном исследовании истинных знаний не получишь.

Для философии права указанное положение таит в себе большую опасность. Некритичный подход доводит понимание какого-либо явления до гипертрофированных форм. Это неизбежно приводит к извращенному пониманию явления, сущности, концепции. Последующая критика, которая рано или поздно прорывается, подчас уничтожает не только сформированные подходы к изучаемому явлению, но и дискредитирует само явление, связанные с ним концепции и идеи.

Явный перегиб в одну сторону дает перенасыщение проблемой, в результате чего срабатывает «эффект маятника». В результате даже самые светлые и здравые идеи, приобретя гипертрофированную форму, подвергаются уже огульной критике, на длительный срок предаются забвению и вытесняются другими концепциями, которые на проверку оказываются тоже не без изъянов.

Помимо того, философы права почему-то не всегда учитывают рефлексию философии. На протяжении всей истории развития человечества для философии было характерно постоянное переформулирование своих основных проблем. Одна концепция, вроде бы достаточно обоснованная, неизбежно сменяется другой, принципиально от нее отличающейся. Если специалисты, скажем, видят перспективы естественно-правовой теории как господствующей теории права в России на длительное время, то к данной теории тем более надо подходить более критично, осмысленно. Не только подчеркивать положительные характеристики этой теории, но и видеть определенные упущения, сложности применения с учетом сложившейся в России ментальности, правосознания и правовой культуры.

Предпринимаемые ныне попытки отгородить право от критики, думается, обречены. Даже если исходить из божественного происхождения права, то молиться будут Богу, а не праву. Что и есте-

³ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Переизд. СПб., 2004. С. 33–34.

⁴ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. С. 312.

⁵ Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2011. С. 1.

ственно. Противопоставлять Бога праву либо до-полнять Бога правом нелепо и бессмысленно.

Опять же, если попытаться как-то идеализировать право, создать такое право, к которому должны все стремиться, то его все равно неверно сводить до форм свободы, равенства и справедливости. Право значительно многогранней и неоднозначней, чем указанные выше категории.

Право — это важное и необходимое явление общественной жизни. Но такими же по значимости являются и другие явления — культура, экономика и др. Возможна ли, например, идеальная справедливость в экономике, если, примитивно, один хочет подороже продать, а другой — подешевле купить? Возможна ли идеальная справедливость в правовом споре лиц при разделе имущества — справедливость у каждого своя. Возможна ли однозначная оценка произведений культуры (скажем, «Черного квадрата» Малевича), будет ли она полностью справедлива? При этом никто не пишет о неэкономной экономике, некультурной культуре и т.д.

Здесь следует сказать, что мы не отождествляем право и закон. Однако считаем в корне неверным эти понятия противопоставлять. Причем противопоставлять односторонне, выгораживая право как явление от критики. Хочется спросить, почему пишут «неправовой закон», а не, например, «неправовое право»? Для чего обелять правовые нормы? Тем более, бывает так, что нормы, кажущиеся нам на сегодняшний день правовыми и во всех смыслах справедливыми, через исторический отрезок уже правовыми не кажутся. Например, реформы в России, проведенные в 1990-х гг. и оформленные соответствующими правовыми нормами, первоначально казались именно правовыми, либеральными. Однако по прошествии уже небольшого количества времени они привели к значительным негативным последствиям: развалу государства, сепаратизму в России, национализму, обнищанию значительной части населения, вооруженным конфликтам и др. Неоднозначность результатов проведенных реформ признало и руководство страны. Сейчас очевидно, что нормы права, устанавливавшие ход указанных реформ, едва ли можно отнести к правовым (в том смысле, который закладывается отдельными учеными-идеалистами).

Но есть и обратные примеры. Приказ маршала Г.К. Жукова о защите Ленинграда любой ценой по своей жестокости казалось бы вряд ли уместится в правовые рамки. Однако ход истории объективно продемонстрировал высшую справедливость такого решения, правоту и правильность, т.е. именно правовой характер. Сейчас всем очевидно, что если бы не удержали Ленинград, то количество убитых было бы в разы больше и вопрос победы над фашизмом оставался бы открытым. Надо сказать, что в истории человечества накопилось немало именно правовых норм, содержащих насилие и жестокость.

Как верно по этому поводу написал В.З. Лившиц, для одних групп людей тот или иной закон олицетворяет равенство и справедливость, он правовой, а для других групп — нет. Поэтому общего и однозначного критерия отличия правового закона от неправового не существует. При этом один и тот же закон может быть правовым и неправовым на разных этапах развития общества⁶.

В связи с этим, концепция правовых и неправовых законов не может стать ориентиром для государственных органов и должностных лиц, применяющих право. Иными словами, данная концепция представляет собой некую умозрительную конструкцию, которая не может быть реализована при применении права. Здесь, на данном этапе в очередной раз ярко высвечивается вопрос именно научной, диалектической проверки идей и конструкций.

Глубокое исследование проблемы «правовых-неправовых» законов проведено О.Э. Лейстом. По его абсолютно справедливому мнению, серьезным препятствием на пути становления содержательных философских направлений изучения права в последние годы стала концепция, которая еще недавно называлась ее сторонниками «историко-материалистическая концепция различия и соотношения права и закона», а теперь переименована им в «либертарную». Закону, принятому государством, эта концепция противопоставляет право, сущность которого усматривается в свободе, равенстве и справедливости. На этом основано понятие «неправовой закон», не соответствующий представлениям о свободе, равенстве и справедливости. Исходя из такой концепции в многовековой истории человечества вообще трудно найти «правовые законы». Если считать право воплощением свободы, равенства, справедливости, то история права начинается только с XVII-XVIII вв., а все предыдущее право (Законы Хаммурапи, Законы Ману, римское рабовладельческое право, все право Средних веков, в России — Русская правда, все Судебники и Уложения и т.п.) не должно считаться правом. Получается, что «либертарная концепция» как бы упразднила большую часть истории права. Отдавая должное теоретической смелости и последовательности основателя этой концепции В.С. Нерсисянца⁷, отметим, что он упразднил и большую часть истории государства. Государство, по его мнению, конституируется только на основе «правовых законов», а все остальное, что до сих пор в истории считалось государством, было различными видами деспотизма, принципиально отличающимися от государства⁸.

⁶ См.: Лившиц В.З. Современная теория права. Краткий очерк. М., 1992.

⁷ Нерсисянец В.С. Теория государства и права. М., 2001. С. 28–30, 46–49.

⁸ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. С. 307–308.

Но дальше — больше. Как продолжил О.Э. Лейст свою мысль, на основе абстрактных рассуждений, противопоставляющих всегда хорошее право нередко плохому закону, трудно сформулировать какие-либо конкретные рекомендации современному законодателю, который принципиально признает идеи свободы, равенства и справедливости, но не всегда умеет воплотить их в законе. Кроме того, из поля зрения сторонников критикуемой концепции начисто выпало противоположное соотношение — хорошего закона и зыбкого, необеспеченного и потому плохого права. Пример такого соотношения — ст. 59 Конституции РФ о праве на замену военной службы альтернативной гражданской службой и невозможность реализовать это право из-за отсутствия законодательного определения порядка его осуществления. Сторонники различия права и закона не заметили, что право отличается от закона способностью реализовываться в конкретных правоотношениях, в правах и обязанностях членов общества и потому в праве не могут воплотиться чрезмерно общие формулировки (хорошего по замыслу) закона, не имеющие разработанного механизма их перевода в конкретные правовые отношения.

Кроме того, — как точно подметил, О.Э. Лейст, — из поля зрения сторонников различия права и закона начисто выпал также процесс реализации того и другого, ибо, по их мнению, право — идеи свободы, равенства и справедливости, а закон — тексты, которые могут этим идеям противоречить. Однако истории известны неплохие по литературному оформлению законы, тексты которых возвещают свободу, равенство и справедливость для того, чтобы замаскировать бесправие, террор, нарушение элементарных прав и свобод человека. Такова была Конституция СССР 1936 г., демократические положения которой носили декларативный характер и являлись формой пропаганды в годы массовых репрессий. Была ли, по мнению сторонников либертарной идеи, эта Конституция «правовым законом»?⁹

Полностью соглашаясь с названным ученым, хочется добавить один пример, ярко характеризующий односторонность и неточность подхода «к праву как к определению хорошего явления по отношению к плохому закону».

Конституцией РФ человек, его права определены как высшая ценность для Российского государства. Для реализации такого права изданы неплохие по содержанию законы. Казалось бы все верно? Действительно, к законам по большому счету претензий нет, все они соответствуют Конституции РФ, исполняют ее посыл о том, что права человека есть высшая ценность.

Однако возникает вопрос, а верно ли само утверждение о том, что человек и его права явля-

ются именно высшей ценностью? Что выше прав конкретного человека в России иных ценностей нет? Что, противопоставляя единичные интересы общим, приоритет должен быть у единичных? Что, разве не является ценностью Родина, государство, Вера, наконец, жизнь и здоровье своих соотечественников?

Об этом еще в 1915 г. писал известный русский юрист С.А. Котляревский. Он отмечал, что нет правового государства без сознания у граждан ценности права, без любви к праву, борьбы за право. Но нет и государства там, где не существует готовности в известные минуты жертвовать этой любовью, этой даже привычкой к уже достигнутому правовому укладу во имя обязанностей перед родиной, во имя ответственности за ее независимость, безопасность, во имя служения достойному ее историческому развитию. «В этом смысле гипертрофия правового инстинкта, известная, так сказать, политическая изнеженность может оказаться в борьбе за жизнь (а от этой борьбы в самой острой форме не застраховано ни одно государство) опасным качеством, если оно не уравновешивается достаточным запасом элементарного непосредственного патриотизма. С другой стороны, государство нуждается не только в готовности граждан принести себя в жертву, ему необходима их способность пережить эту жертву как подъем национального одушевления, ему должна быть присуща сила вызвать это одушевление. Получается странный парадокс: способность граждан жертвовать правовыми благами сама связана с высоким правовым уровнем государственной организации. Болезненная и опасная — с виду — дисгармония превращается в ту высшую гармонию, искать которой всюду велит заповедь жизни»¹⁰.

Россия, на которую не менее два раза в век нападают завоеватели, жители которой выросли в общине, воспитывались из века в век коллективным трудом, особенно воспринимают слова: патриотизм, Отечество, самопожертвование ради других.

О том же, являясь выразителем мнения русского народа, говорит Русская Православная Церковь. В Декларации о правах и достоинстве человека от 6 апреля 2006 г., принятой X Всемирным русским народным собором, говорится, что права и свободы неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека. Личность, реализуя свои интересы, призвана соотносить их с интересами ближнего, семьи, местной общины, народа, всего человечества. Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. Это такие ценности как вера, нравственность, святости, Отечество. Когда эти ценности и реализация прав человека вступают в противоречие, общество, государство и закон должны гармонично

⁹ Там же. С. 309–310.

¹⁰ Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 373–374.

сочетать то и другое. Нельзя допускать ситуаций, при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственную традицию, приводило бы к оскорблению религиозных и национальных чувств, почитаемых святынь, угрожало бы существованию Отечества. Русской Православной Церкви опасным видится и «изобретение» таких «прав», которые узаконивают поведение, осуждаемое традиционной моралью и всеми историческими религиями.

Тем самым Русская Православная Церковь подтвердила мнение о том, что и поныне общественные интересы на Руси стоят, по меньшей мере, не ниже, чем интересы личные, собственные. Поэтому несомненно, что Конституция РФ должна провозглашать высшей ценностью права не только конкретного человека, но и российского общества, значимость Отечества, его защиту от завоевателей.

Следует признать, что нормы Конституции РФ в части провозглашения прав конкретного человека высшей ценностью при недооценке значимости Родины и Отечества, не до конца продуманы. При этом в законах содержатся нормы о защите государства и общества. То есть, по сути, нормы Конституции в данном случае являются образчиком того, что право бывает не просто несовершенно, но и хуже законов, его реализующих.

Таким образом, право не следует идеализировать. Оно представляет собой явление общественной жизни, человеческой жизни и отражает процессы, происходящие с людьми. Говоря о естественных правах человека (право на жизнь, свободу совести, перемещения, вероисповедания и т.д.) никто не будет спорить с тем, что все эти права появляются у человека после рождения, но ни как не до рождения. То есть право неразрывно связано с живым человеком, родившимся и тем самым появившимся в общественной жизни. Соответственно, нельзя отделять право от человека и общества. Право — не облако, витающее где-то вне людей. А поскольку право неразрывно связано с человеком и обществом, про него не следует говорить как о чем-то сверхъестественном, возвышенном. Оно просто отражает и общество в целом, и конкретных людей — их достоинства и их пороки.

Для нас было и остается загадкой, почему именно право подвержено такой идеализации среди правоведов (в основном, теоретиков права). Экономике, культуре, политике специалисты в этих областях оценивают более взвешенно и объективно, без иллюзий.

Возможно, сам феномен права содержит в себе постоянное стремление человека к доброте, честности, справедливости. Или может быть идеал из права создают ученые, несколько оторванные от конкретных правовых реалий, застопоренности многих правовых механизмов, волокиты в спорах, несправедливости, нечестности, подлых уловок, подкупа или давления на

суд и т.д.? Заметим, что эти качества были и есть у права всегда, на протяжении всей истории. Они многократно описаны в литературе, исторических работах, да и самими юристами.

Надо жить в реалиях. Нами был проведен социологический опрос 5 000 москвичей, россиян. Им был задан вопрос: «Что такое право, по вашему мнению? Если затрудняетесь, то с каким словом (словами) у вас ассоциируется право?»

Ответ сильно озадачил: 86% ответили, что право это запрет либо это слово ассоциируется в первую очередь с запретом и наказанием (!); 5% — затруднились ответить; 9% ответили иначе. Но приводить другие ответы, думается и не так важно за явным преимуществом понимания права через запрет чего-либо и наказания в случае неисполнения¹¹.

Надо сказать, что нами ранее, при подготовке предыдущей монографии по философии права, опрашивалось 2 000 москвичей. Цифры были очень схожи. В частности, тогда для 83% опрошенных право ассоциировалось с запретом и наказанием¹².

Что же получается? Ученые пишут о мере свободы, равенства и справедливости, а у людей, общества оно главным образом ассоциируется с запретом и наказанием? И почему запрет и наказание в праве более значимы для людей, чем обязательные установленные правила или узаконенный порядок осуществления каких-либо действий?

Конечно, желательно провести подобный опрос с максимальным учетом всех параметров опрашиваемых: возраста, образования, социального положения и пр. Разбивку ответов желательно тоже сделать по социальным группам. Это, конечно, даст возможность установить более точные результаты общественного мнения, нежели случайная выборка 5 000 москвичей.

Мы открываем нашим последователям широкий пласт научной работы. Особенно интересно провести такой опрос в наиболее развитых европейских странах и сравнить с полученными в России данными. Мы не исключаем, что в Западной Европе результаты могут быть другие. Но могут быть и примерно такие же, так как, по нашим наблюдениям, там развиты не только законопослушание, но и законобоязнь. Так, не проводя исследования за границей, я обнаружил на цитату известного австрийского философа Ф. Хайека: «Осмысленная собственная права, мы понимаем чего нельзя делать»¹³.

С одной стороны, хорошо, что право ассоциируется у россиян с запретом и наказанием, но не насилием и жестокостью. Однако, с другой стороны, запрет и наказание — не позитивная реакция человека. Они не радуют и, как правило, не вызывают положительных эмоций. Значит ло-

¹¹ Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015. С. 85.

¹² Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. М., 2014. С. 50.

¹³ См.: Малахов В.П. Философия права. М., 2008. С. 154.

гично предположить, что право позитивных эмоций у большинства людей не вызывает. А говоря точнее, вызывает негативные¹⁴. При этом, даже если допустить, что при опросе конкретных слов населения будут несколько иные результаты, то все равно 86%, ассоциирующих право с запретом и наказанием, — это очень много.

Чем опасны запрет и наказание? В них не ищут спасения, защиты. К запрету можно привыкнуть как к необходимости. Но душа запреты не любит. И здесь важно понять, почувствовать разницу. Приведем элементарный пример. Всем понятна важность правил дорожного движения. Можно сказать, что правила дорожного движения регулируют правила поведения на дорогах и это хорошо. Можно сказать, что правила дорожного движения требуют вести себя на дорогах только так, а не иначе. Но можно сказать, что правила перечисляют, как запрещено вести себя на дороге, а за несоблюдение устанавливают наказание. Казалось бы, особой разницы нет. Все утверждения правдивы и справедливы, смысл по большому счету один и тот же. Однако в первой фразе чувствуется позитивный настрой к правилам, во втором — нейтральный. Но в третьей фразе слышится откровенно негативный настрой, из которого чувствуется, что соблюдать эти правила не хочется, если бы не опасность (строгость) наказания. Люди, воспринимающие право подобным образом, не ждут от него ни помощи, ни чего-либо хорошего. По этому поводу В.П. Малахов достаточно верно подметил, что правосознание негативно в том смысле, что вся его специфика обнаруживается в сфере запретов¹⁵.

Вместе с тем, применительно к российской ментальности именно с помощью строгих наказаний можно добиться уважения к праву в целом и правам окружающих в частности.

Однако на изложенное можно посмотреть и с другой стороны. Право в определенной мере — это протест общества на поведение человека. А можно сказать, что общество в определенной степени и формирует право в целом, и права конкретного человека в частности. Иными словами, сплошные диалектические переплетения и взаимозависимость. Отсюда берет начало разрабатываемое нами направление комплексного изучения права.

Признаемся, мы не до конца поняли мысль, высказанную В.М. Сырых и поддержанную О.Э. Лейстом о том, что «...Признание закономерностей права как предмета общей теории права носит чисто формальный характер. Ибо никто еще в процессе изложения не выделил и даже не пред-

принимал попыток к тому, чтобы назвать конкретные закономерности права»¹⁶. Но разве выявленные в процессе научных исследований существенные характеристики права (нормативность, официальное установление и охрана государством, системность, формальная определенность, авторитетность) в определенной мере не относятся к его закономерностям, исходя из чего формулируется *юридическое* (выделено нами — С.З., В.С.) понятие права?

Указанные признаки и есть проявления системных закономерностей права как юридического явления. Причем эти признаки, выявленные в ходе изучения права, в том или ином виде приводятся во всех учебниках общей теории государства и права, в том числе в книге О.Э. Лейста? В праве исследователями отмечались и другие закономерности.

Мы специально выделили слово «юридическое» потому, что здесь право рассматривается именно и только через призму юридических, а не философских знаний. Равно как хирургическую операцию можно смотреть исключительно с точки зрения медицины как совокупность действий по удалению злокачественных опухолей. Но можно и с философской точки зрения о том, хорошо ли в принципе хирургическое вмешательство, критерии допустимости такого вмешательства, реальности сохранения качества жизни после операции и пр. То же самое и с юриспруденцией. Право, с юридической точки зрения, имеет закономерности, достаточно подробно изученные теорией государства и права. С философской точки зрения вопрос стоит шире: это и ценность права, и познаваемость его норм, и правильность выбранных для познания методов, и гуманность права, и вопрос об изначальной справедливости ограничения прав других (таких же) людей, и допустимость насилия в праве, пределы насилия, и реальность получения нужного правового регулирования и т.д., и т.п.

Право как и любой феномен можно оценить через прошлое, настоящее и будущее. Если с прошлым правом более-менее понятно, то настоящее право напоминает философский вопрос: наполовину налитый стакан полупустой или полуполный? Будущее право достаточно туманно, так как нельзя сказать, что ученые в настоящее время абсолютно точно представляют себе, каким оно должно быть.

В предлагаемых современных концепциях (естественных, либертарных, интегральных, др.) присутствует много идеализма. Однако человечеству пока не удалось и в ближайшем будущем, несомненно, не удастся создать идеального общества, хотя бы общества абсолютно справедливого. Вне идеального общества модели идеализированного права в полном объеме не реализуемы, они будут преломляться в самых разных направ-

¹⁴ См.: Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. 2015. № 1. С. 166–180; Рохлин В.И., Захарцев С.И., Миронов М.А., Стуканов А.П. Институт реабилитации в российском законодательстве / Под общ. ред. В.И. Рохлина. СПб., 2007.

¹⁵ См.: Малахов В.П. Философия права. М., 2008. С. 154.

¹⁶ См.: Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. С. 307; Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. М., 2000. С. 40.

лениях, возможно доходящих и до антиправовых. Примеры того, когда светлые идеи превращаются в беззаконие и террор всем известны.

Возможно, свет в конце тоннеля будет виден тогда, когда человечество придет к единому пониманию слова справедливость. Когда этот термин будет одинаково осознаваем человечеством, можно будет говорить о правовых концепциях, обеспечивающих его реализацию в жизни, бытии. Именно в таком случае нормы права могут быть справедливыми для всех. Однако справедливость — есть философская категория. За всю историю человечества единого и устраивающего всех понимания справедливости не создано. Значит, под различное понимание справедливости будут и различные, вплоть до взаимоисключающих, подходы к праву, представления о том, каким право должно быть. Думается, что человечеству в своем развитии предстоит пройти немало ступеней, миновать не одно столетие, чтобы прийти к праву как всеобщему гаранту справедливости.

Надо учитывать и зависимость права от внешних факторов, например, от экономики. По Ф. Энгельсу право практически полностью зависит от экономики. Право зависит от экономики по позитивизму. Право частично, но тоже зависит от экономики по юснатурилизму. Даже если признавать право некой данностью, главенствующей и правящей в мире, без сильной экономики многие естественные права человека станут ничего не содержащими и не имеющими практического смысла лозунгами (право на достойную жизнь, право на уважение, право на защищенную старость и др.). То есть право как минимум частично, в некоторой степени зависимо от экономики¹⁷. Этот вывод важен, ибо в таком случае надо объективно признать, что право не может быть полностью справедливым. Ведь экономика справедливой быть не может. И если право хотя бы частично зависит от экономики, то оно как минимум иногда по определению несправедливо.

В целом, современному обществу еще далеко до таких высот как свобода, равенство и справедливость. И конкретные правовые механизмы по достижению этих целей, идеалов (именно так их и следует рассматривать) пока не созданы.

Разработка таких правовых механизмов во многом может быть связана с универсализацией (если такое возможно) понятий справедливости, равенства и свободы. Здесь открываются широкие горизонты для философов, в том числе специализирующихся на философии права.

Причем в современном мире разработать, открыть, создать что-либо не достаточно. Не менее важно иметь возможность опубликовать свои достижения, высказаться, а далее — быть услышан-

ным. Триединство — создать, рассказать, быть услышанным — научный идеал, подчас, нередко, достигаемый с опозданием, а иногда и не достигаемый вовсе.

Многие современные специалисты, познавая право, отталкиваются от какой-либо устраивающей их концепции происхождения права.

Однако мы бы предложили вначале оценивать сущность и содержание права. Это процесс весьма интересен.

Ведь право — это и защита от насилия, и насилие по принуждению исполнения норм, и регулятор насилия. Причем в каждом обществе с учетом его ментальности, традиций, культуры и других социальных факторов параметры регулирования насилия различны.

Право — это и реализация человеком потребностей, и их ограничение, и регулятор потребностей. При этом, если так можно выразиться, право делает жизнь человека человеческой.

Право — это и конкретные законы, издаваемые государством, и бытие, независящее от конкретных законов и даже побуждающее издавать эти законы.

Право — это и разумный регулятор жизнедеятельности, и бессмыслица, абсурд, безрассудность (например, бессмысленные и комичные законы в прецедентном праве). Право показывает как интеллектуальность, так и безрассудство человечества.

Право стремится к справедливости, но одновременно допускает и несправедливость.

Право направлено на установление объективной истины и в то же время допускает ее не установление.

Право динамично и, одновременно, противоречно в своей динамике. Так, в зависимости от внешних общественных факторов одно и то же деяние может считаться преступлением, а может эффективным ведением дела (например, спекуляция).

Право просто и понятно с точки зрения вечных ценностей (не убий, не укради), но в то же время трудно с точки зрения квалификации указанных деяний.

Право в ряде случаев формирует политику и одновременно является инструментом политики. При этом право не может решать все проблемы человечества, хотя многие почему-то его таковым видят.

Право регулирует экономику и в то же время зависит от экономических процессов.

Подобные размышления можно продолжать и продолжать. В конечном счете, видится, что право — это несомненно сложное диалектическое многофакторное социальное явление, зависящее от объективных и субъективных факторов. К субъективным факторам, например, можно отнести самодурство лица, правомочного издавать правовые нормы (таких примеров много).

Таким образом, право — есть сложное социальное явление, многоаспектное и противоречи-

¹⁷ Об этом см.: Захарцев С.И. Экономика и право: проблемы соотношения // Правовое поле современной экономики. 2012. № 8. С. 49–54.

вое, которое надо рассматривать без идеализации. Этот вывод лежит в основе формирования и формулирования нами теории комплексного изучения права.

Нас не вполне устраивают распространенные в наше время определения права, поскольку они, хотя и раскрывают черты права, но, во-первых, достаточно односторонни, а во-вторых, как уже отмечалось, рассматривают право идеалистично и необъективно.

Если право само по себе сложное и противоречивое социальное явление, то соответственно этими противоречиями пропитано и правовое бытие. Противоречивость правового бытия проявляется в принятии правовых законов в сфере экономики, которые практически всегда улучшают положение одних и в то же время ухудшают положение других. Причем подчеркнем — принятию именно правовых законов.

Или правоприменительная практика. Сейчас в мировую моду вошел так называемый состязательный процесс. Он считается наиболее демократичным, обеспечивающим равенство сторон и т.д. В ходе такого процесса стороны нередко предоставляют суду противоположные и взаимоисключающие сведения о предмете спора. Сие означает, что как минимум одна из сторон откровенно врет. В результате суд выносит решение. И указанное действие считается правовым! При этом решения суда зависят от хитрости сторон, изворотливости адвокатов, красноречия и т.д. Как все понимаем, решения суда отнюдь не всегда правильны. А право в данных случаях, — что парадоксально! — по сути, выступает регулятором вранья, провокатором и стимулятором лжи, а вовсе не инструментом установления истины и справедливости. Некоторые процессуалисты (мы их поддерживаем) считают, что и в состязательном процессе суд должен устанавливать именно объективную истину¹⁸. Но это, увы, не меняет сущности права, которое своими нормами фактически регламентирует ложь (или возможность лжи) как минимум одной из сторон в суде.

Интерес к праву в последнее время, как нам кажется, в научной среде возрос. Появились содержательные работы, исследующие сущность права. Иногда в них можно встретить достаточно резкую критику современного состояния соблюдения законности, а сами законы критикуются всегда и везде. При этом, что приятно, вместо огульной критики появляются конкретные и осмысленные предложения по совершенствованию законов и других нормативных правовых актов. Собственно, распространение и популяризация права тоже есть один из элементов правового бытия. Но опять же. Практически везде право идеализировано. Напри-

мер, известная сентенция, что действующие законы плохие и тем самым неправовые.

Думается, что многие юристы осознанно или в силу моды в рассуждениях допускают методологическую ошибку. Они копируют в юриспруденции процедуру рассуждений и процедуру доказываний из естественных наук, где необходимы искусственные величины (например, «идеальный газ»). Появляются такие термины как «идеальное общество», «идеальное государство». А к термину «право» слово «идеальное» уже и не добавляется, так как многие стали считать, что право идеально по определению.

Допустимы ли такие грубые аналогии в гуманитарных науках? Полагаем, что нет, поскольку очевидно, что создать идеальные условия в обществе и государстве для всех принципиально невозможно. Принципиально невозможно создать и устраивающее всех право. Однако для российского законодателя и его научной поддержки в лице ученых этот очевидный философский вывод перестал быть проблемой. В результате в России был принят целый ряд законов, которые не исполнялись и никогда не могли быть исполненными в силу нереалистичности их требований. Самое поразительное, что авторы законов, пытаясь оправдать свои ошибки, заявляли, что законы приняты для идеального общества, до которого России еще далеко. На самом деле такое объяснение наглядно демонстрировало отход указанных авторов от основ философии и их же методологическую ошибку. В физике можно ставить опыт, имея в виду идеальные условия для какого-либо процесса или вещества. Однако в юстиции принимать законы, исходя из идеальной идеи, что например, преступности больше нет, недопустимо. Такие законы не просто не могут соблюдаться, но и обозлят общество, которое заставит законодателя внести коррективы. Но при этом может обостриться социальная обстановка в государстве и обществе, которую органы государственной власти могут не сдержать.

Нам кажется, что юристам — ученым и практикам — надо быть ближе к философии, основываться на ней и, в силу этого, больше сомневаться, смотреть на правовые явления критично. Шаг в этом направлении станет началом движения от наблюдаемого мифического правового идеализма в сторону правового реализма, комплексного изучения права.

Сейчас, наверное, не существует ни одной области общественных отношений, которые в той или иной степени не были бы урегулированы правом. Нормы права по своему отражают и характеризуют экономику, культуру, политику, историю, интеллект, образ мысли, отношение к человеку и т.д.

При таких обстоятельствах, право — есть одна из форм отражения бытия. А поскольку право немислимо без человеческого бытия — то это форма отражения общественного бытия, призванная регулировать возникающие общественные отношения.

¹⁸ Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. 2012. № 9. С. 146–152.

На вопрос о возможности наличия правового бытия без человека тоже надо смотреть через призму реализма и объективности. Что это за такое бытие, где человека нет, но право есть? Между кем право регулирует отношения в безлюдном бытии? Нужно ли право в бытии без людей? На наш взгляд, ответы на эти и другие аналогичные вопросы очевидны. Правовое бытие, конечно, не может быть без человека. Право без человека лишается смысла.

В связи с этим, право не стоит рассматривать как некую полностью самостоятельную субстанцию.

Следующий момент связан с тем, через что познается право и правовая реальность. Сейчас в российской юридической науке достаточно распространено мнение В.С. Нерсесянца о том, что право познается через правовой закон¹⁹. Как писал ученый, правовая либертарная гносеология в качестве искомой истины берет объективное научное знание о природе, свойствах и характеристиках правового закона, о предпосылках и условиях его утверждения в качестве действующего закона. Анализируя изложенное утверждение, А.Н. Чашин пишет, что, по мнению В.С. Нерсесянца, гносеологическое отличие либертаризма от юснатурализма здесь проявляется в том, что упор делается на закон, а не на право (для юснатурализма характерен акцент именно на естественное право). Отличие от легизма (юридического позитивизма) в том, что последний изучает любой закон как право, а либертаризм в качестве права изучает только правовой закон, отделяя от права законы, противоречащие ему. Поиск истины для юснатурализма в естественном праве, для легизма в позитивном праве, для либертаризма — в правовом законе²⁰.

Такая точка зрения сомнительна по той простой причине, что, как уже отмечалось, правовой закон — понятие очень субъективное. И то, что может считаться правовым для одной социальной группы, будет считаться неправовым для другой. В первом приближении нам представляется, что право более целесообразно оценивать в целом через его источники. Не следует выделять из права только законы или только правовые законы. Право надо оценивать целиком, с учетом каждого источника права, в том числе такого как правовой обычай, достаточно распространенного в мировой практике. Здесь любопытно привести высказывание директора Института философии РАН А.А. Гусейнова о его соприкосновении с правом. Он пишет: «Как директору института мне пришлось пару раз иметь дело с судом. У меня осталось самое тяжелое ощущение от всего этого. Рассматривая реальную ежедневную жизнь института, могу сказать: на 95, может быть, на 99% все отношения в институте, его позитивная деятельность основаны на

обычае, устоявшихся стереотипах поведения, устных договоренностях, здравом смысле — словом, на вещах, которые, если вынести их в суд, то они сразу же могут быть поставлены под сомнение»²¹. А.А. Гусейнов также пишет, что насыщая российское общество юристами, мы нарушили историческую, характерную для нашего общества меру соотношения права и закона со справедливостью, нравственностью и обычаем²².

Комплексная и системная оценка права через источники права позволяет добиться, как нам кажется, большей объективности и честности его познания.

Правовое бытие диалектично, т.е. содержит и внутренние противоречия. Наиболее ярко это проявляется в пределах правового регулирования общественных отношений. С одной стороны, общество стремится к максимальному урегулированию общественных отношений правом. Буквально так, чтобы на любую жизненную ситуацию, во-первых, была соответствующая правовая норма, а во-вторых, чтобы эта норма не была противоречивой, однозначно понималась и применялась. Движение в эту сторону видят и ощущают все. Правовой массив заметно увеличивается. За последнее время ушло в небытие понимание юриста как человека, если не знающего, то хотя бы ориентирующегося во всех законах. Потребовалась более узкая специализация на специалистов области уголовного, гражданского и административного права. Однако и там рост правового массива объективно обусловил необходимость еще более узких дифференциаций специальностей. Так, из гражданского права «выпестовались» специалисты по земельному, семейному, трудовому праву и т.д. Однако дальнейший рост законов и подзаконных нормативно-правовых актов продолжается, требуя еще более «узких» специалистов. Например, в настоящее время очень ценны юристы — специалисты по такой небольшой части административного права как правилам дорожного движения. Правила дорожного движения, их применение, разбор дорожно-транспортных происшествий имеет тысячи нюансов. И такие нюансы значимы для людей.

Но, с другой стороны, для любого общества желательно, чтобы законы были известны, просты и понятны всем. Сейчас даже юристу не всегда под силу разобраться с множеством тонкостей современной правовой системы конкретного государства. В итоге большинство людей, как это ни парадоксально, перед нормами права достаточно беззащитны. Указанный вывод подтверждает бесчисленное множество примеров, когда образованные люди, имеющие при этом богатый жизненный опыт, легко оказывались

¹⁹ Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1998. С. 64.

²⁰ Чашин А.Н. Современные правовые учения России / Под ред. Т.Н. Радько. М., 2014. С. 54.

²¹ Гусейнов А.А. У философов и юристов много общих тем // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Под ред. В.В. Миронова и Ю.Н. Солониной. М., 2010. С. 14.

²² Там же. С. 14.

обманутыми не только мошенниками, но и государственными чиновниками (теми же инспекторами ГИБДД), ловкими юристами.

В правовом бытии получился очередной парадокс и внутреннее противоречие. Общество и люди с одной стороны заинтересованы в том, чтобы все было четко регламентировано правом, а с другой стороны, уже не могут «переварить» уже имеющийся правовой массив. При этом право, увы, в силу объективных причин может действовать против человека и общества. Если еще недавно, фраза: «Невозможно сделать шаг, что-нибудь при этом не нарушив!», — воспринималась с юмором, то сейчас в ней слышится все больше трагизма. Причем в данном случае все — как обычные горожане, так и государственные чиновники, — находятся, в принципе, в одинаковых условиях. Государственные чиновники, служба которых регламентирована комплексом инструкций и приказов, также легко могут стать субъектами как административной, так и уголовной ответственности. Под стать сказанному русская народная поговорка: «Был бы человек, а статья найдется».

Таким образом, право и правовая реальность предстают сложными и диалектически противоречивыми явлениями.

Изложенное позволяет «крупными мазками» сформулировать теорию комплексного изучения права. Первоначально надо сказать, что актуальность формирования и формулирования этой теории вызвана необходимостью с философских позиций обратиться к понятию права, оценить его комплексно и честно, отказываясь от часто применяемого сегодня метода идеализации права. Указанная теория, по нашему замыслу, должна выполнять роль частной теории в философии права.

Как известно, любая теория изучает закономерности возникновения, функционирования и развития. С точки зрения философской теории познания объект — это то, на что направлено познание. Объект — это та часть реальности, на постижение которой направлены усилия исследователей. Этой реальностью выступают объективно существующие общественные отношения, регулируемые правом.

Предмет должен отражать главные, существенные стороны объективной действительности. Основываясь на диалектической теории познания, предметом теории комплексного изучения права является само право как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции.

Предмет теории комплексного изучения права включает также:

- закономерности диалектических существенных противоречий в праве и правовом бытии (некоторые из них были названы);
- закономерности влияния на адекватную и объективную оценку права и правовой ре-

альности сторонних факторов (к таким факторам относятся экономика, политика, идеология, роль руководителя государства и др.);

- перспективы развития права в контексте правовой реальности.

Мы начали статью с того, что бриллиант получился из алмаза тогда, когда обосновали необходимость его 57 граней. Полагаем и надеемся, что как только перед исследователями права откроется примерно такое же множество граней и черт права, четко определится его сущность и предназначение. Это произойдет не сейчас, и, думается, не в ближайшее время.

Путь к познанию права лежит не через упорное обоснование какой-либо одной концепции права, чем нередко «грешат» многие ученые. Однако и не через интегральную теорию права, сводящуюся к попыткам взять «лучшее» из имеющихся правовых концепций, в основном из юснатурилизма и позитивизма. Полностью не познав право, невозможно сказать, что в нем «лучшее», а что — «худшее». Речь идет и не об объединении разных правовых концепций. Смысл предложенного подхода нам видится в строго объективном, реальном, деидеализированном, деидеологизированном познании права, не допуская господства какой-либо концепции. Чем объективней мы будем оценивать право как сложное, противоречивое, многогранное социальное явление, четче вскрывать все его противоречия и изъяны, сильные и слабые стороны, возможности и пределы этих возможностей и т.д., — тем скорее мы придем к познанию права.

Список литературы

1. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. М., 2014.
2. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права. Юридическая наука. М., 2015.
3. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 78–85.
4. Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Рецензия на книгу С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. М.: Норма, 2014. 208 с. // Мир политики и социологии. 2015. № 9. С. 203–209.
5. Покровский И.Ф., Исмагилов Р.Ф., Гук А.И. Действительно, философия и право снова вместе в исследовании современных научных мыслителей. Монография С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 9. С. 196–200.
6. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Переизд. СПб., 2004. С. 33–34.
7. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. С. 312.
8. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2011. С. 1.
9. Лившиц Р.З. Современная теория права. Краткий очерк. М., 1992.
10. Нерсесянц В.С. Теория государства и права. М., 2001. С. 28–30, 46–49.
11. Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 373–374.
12. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. М., 2014. С. 50.

13. Малахов В.П. Философия права. М., 2008. С. 154.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. 2015. № 1. С. 166–180.
15. Рохлин В.И., Захарцев С.И., Миронов М.А., Стуканов А.П. Институт реабилитации в российском законодательстве / Под общ. ред. В.И. Рохлина. СПб., 2007.
16. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. М., 2000. С. 40.
17. Захарцев С.И. Экономика и право: проблемы соотношения // Правовое поле современной экономики. 2012. № 8. С. 49–54.
18. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. 2012. № 9. С. 146–152.
19. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1998. С. 64.
20. Чашин А.Н. Современные правовые учения России / Под ред. Т.Н. Радько. М., 2014. С. 54.
21. Гусейнов А.А. У философов и юристов много общих тем // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Под ред. В.В. Миронова и Ю.Н. Солониной. М., 2010. С. 14.

The Komprehend Approach Is Offered to Understand the Law

Zahartsev S.I.,
Doctor of Law,

Professor of Department of Theory and History of State and Law
Moscow state University of Technologies and Management named K.G. Razumovskiy
E-mail: sergeyivz@yandex.ru

Salnikov V.P.,

Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of Russia, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation,
Chief Editor of the Journal «Legal science: History and Modernity»
E-mail: fonduniver@bk.ru

Abstract. *In the article we analyzed different theories of law understanding, different approaches to law insight. As a result of this analysis, authors come to the conclusion that every theory distinguish the law from one side, however they don't evaluate the law in a complex way as a complicated and contradictory social event. Based on the stated, authors offer and formulate new theory of law understanding, which we named as «komprehend» (universal, all-purpose) theory.*

Keywords: *philosophy, law philosophy, law, state and law theory.*

References

1. Zakhartsev S.I. Nekotorye problemy teorii i filosofii prava / Pod red. V.P. Sal'nikova. M., 2014.
2. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka. M., 2015.
3. Kerimov D.A. V razvitie diskussii o filosofii i prave. Retsenzija na monografiyu S.I. Zakhartseva i V.P. Sal'nikova «Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka» M.: Yurilitinform, 2015. 264 s. // Pravovoe pole sovremennoy ekonomiki. 2015. № 1. S. 78–85.
4. Khabibulin A.G., Mursalimov K.R. Retsenzija na knigu S.I. Zakhartseva «Nekotorye problemy teorii i filosofii prava» / Pod red. V.P. Sal'nikova. M.: Norma, 2014. 208 s. // Mir politiki i sotsiologii. 2015. № 9. S. 203–209.
5. Pokrovskiy I.F., Ismagilov R.F., Guk A.I. Deystvitel'no, filosofiya i pravo snova vmeste v issledovanii sovremennykh nauchnykh mysliteley. Monografii S.I. Zakhartseva i V.P. Sal'nikova «Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka». M.: Yurilitinform, 2015. 264 s. // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2015. № 9. S. 196–200.
6. Korkunov N.M. Lektsii po obshchey teorii prava. Pereizd. SPb., 2004. S. 33–34.
7. Leyst O.E. Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava. M., 2011. S. 312.
8. Nersesyants V.S. Filosofiya prava. M., 2011. S. 1.
9. Livshits R.Z. Sovremennaya teoriya prava. Kratkiy ocherk. M., 1992.
10. Nersesyants V.S. Teoriya gosudarstva i prava. M., 2001. S. 28–30, 46–49.
11. Kotlyarevskiy S.A. Vlast' i pravo. Problema pravovogo gosudarstva. M., 1915. S. 373–374.
12. Zakhartsev S.I. Nekotorye problemy teorii i filosofii prava / Pod red. V.P. Sal'nikova. M., 2014. S. 50.
13. Malakhov V.P. Filosofiya prava. M., 2008. S. 154.
14. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Konvergentsiya v prave, russkaya mental'nost' i psikhologiya nishchenstva: filosofskaya i filosofsko-pravovaya problema // Mir politiki i sotsiologii. 2015. № 1. S. 166–180.
15. Rokhlin V.I., Zakhartsev S.I., Mironov M.A., Stukanov A.P. Institut reabilitatsii v rossiyskom zakonodatel'stve / Pod obshch. red. V.I. Rokhlina. SPb., 2007.
16. Syrykh V.M. Logicheskie osnovaniya obshchey teorii prava. T. 1. M., 2000. S. 40.
17. Zakhartsev S.I. Ekonomika i pravo: problemy sootnosheniya // Pravovoe pole sovremennoy ekonomiki. 2012. № 8. S. 49–54.
18. Zakhartsev S.I. Pravo i istina // Mir politiki i sotsiologii. 2012. № 9. S. 146–152.
19. Nersesyants V.S. Filosofiya prava. M., 1998. S. 64.
20. Chashin A.N. Sovremennye pravovye ucheniya Rossii / Pod red. T.N. Rad'ko. M., 2014. S. 54.
21. Guseynov A.A. U filosofov i yuristov mnogo obshchikh tem // Filosofiya prava v nachale XXI stoletiya cherez prizmu konstitutsionalizma i konstitutsionnoy ekonomiki / Pod red. V.V. Mironova i Yu.N. Solonina. M., 2010. S. 14.